

Борис Ширяев

ОКНО В РОССИЮ

(ОТКРОВЕННЫЕ СТРОКИ)

Получив пакет книг Издательства имени Чехова, я схватил прежде всего "Жизнь Арсеньева" Ивана Бунина. Гипноз имени единственного русского Нобелевского лауреата еще силен. Кроме того, я родился и провел юность в описываемом Буниным Ефремовском уезде Тульской губернии, вращаясь в той же помещичьей среде, приблизительно в то же время — мне 63 года — и даже знал лично некоторых упоминаемых автором лиц (Каменева, Трухачевых и др.), бывал в тех же деревнях, имена Ростовцевых, Арсеньевых, Батуриных влетены и в мою жизнь. Казалось бы, все это должно было сделать повесть близкой и родной мне... тем более, при блестящем мастерстве ее автора... Но... после двадцатой страницы мне стало скучно, далее я читал "по долгу службы". На сотой странице я отложил книгу и больше не буду ее читать — нет времени, да нет и желания бродить по лопухам обнищавших помещичьих усадеб, погружаться в ароматы бабушкиных сундуков. Двадцать два года (1921—1943) жизни в России вырыли непроходимый ров между мной и современными и описываемым И. Буниным — и м о и м т а к ж е — прошлым. Плохо ли, хорошо ли это — не знаю, но это реальность, факт, и если я, человек того же поколения, отложил "Жизнь Арсеньева" на сотой странице, то на какой же заскучают читатели последовавших поколений, современные русские читатели.

Потом я взял книгу "Земная Радуга" Тэффи. О милая, игриво веселая, но добродушно острая Тэффи. Сколько радостных минут дарил мне прежде она! С тем же поиском радости я раскрыл и теперь ее книгу, прочел паугад два рассказа, и мне стало грустно и... больно. Так же больно, как было, когда я в 30-х годах слушал потерявшего голос Собинова, или смотрел на мертвенную улыбку, выходявшего еще на арену Дурова. За них ли больно или за свою ушедшую молодость — не знаю. Должно быть — за то и за другое. Немногим дано быть прекрасно старыми, подобно А. В. Тырковой, увы!

Большинство "прогрессивной" эмиграции склонно думать, что "культурный и умственный уровень современной русской (подсоветской) молодежи очень низок" (г. Лавда и проф. Сперанский в "Р.М."), что ей "нечего сказать и она не может сказать", даже и вырвавшись из плена (Аргус, Галич и др. в "Н.Р.С."), т. е. иначе говоря, что с отбытием их, аргусов, галичей и пр. подобных с территории временно подсоветской России 180 милл. ее населения разом поглупело и рождались стали только дегенераты. Коряков и ему подобные им подпевают. Почему? Думается, что ради обезпечения гонимых в "Н.Ж." и "Н.Р.С." ибо Коряков то не может не знать правды о современной русской подсоветской молодежи.

Б. Башилов им веско возражал. Возражал и я в "Р.М.", пока там печатали мои письма. Потом приведенные мною фактические данные слушали в корзину, оберегая репутации г. Лавды и проф. Сперанского.

Но много сильнее нас с Б. Башиловым им возражали и возражают сами факты появления в жизни такого журнала, как "Грани" с рядом талантливых, глубоких, отражающих современность, прозаиков — Л. Ржевским, Г. Андреевым, С. Юрасовым, незаурядным поэтом Кленовским; книга "Письма к неизвестному другу" Р. Александрова и теперь (накопец-то!) выпуск издательством им. Чехова целого ряда книг "новых" авторов различной политической настроенности. Возражает им и... сам М. Коряков, бытием своей собственной персоны, культурный и умственный уровень которой назвать низким нельзя ни в какой мере.

Было трудно, очень трудно писать, когда охотились за нашими черепами, но все же писали В. Рудинский, Б. Башилов, первые "посвященные", я (по-итальянски). Не многим легче и теперь: Б. Башилов пишет в трамвае по пути на работу, я — в ослиной закуске доброго соседа, Л. Норд — Бог ее знает где и когда: днем у нее работа на фабрике, а вечером, дома — большая муж, дети и сама больна... Но все таки пишет, и не плохо пишет! Умеет сказать нужное.

Вряд ли приходилось так бороться за право творчества в эмиграции не только "именитым" — Мережковскому, Бальмонту, Бунину, но и рангом пониже — Красному, Брешко-Брешковскому, Бебутовой, даже и совсем "безымянным". Тогда было множество издательств, изданий, субсидий, кредита, стипендий... у нас, "новых", ничего этого нет.

Но главная трудность еще не в этом. Основной препоной к выявлению себя в творчестве является для "новых" "вторая цензура", усвоенная г. г. "прогрессистами", со времен Писарева запрещавшего во имя "прогресса" всем редакциям печатать Лескова. Эта "вторая" в Российской Империи цензура стала "первой" в эмиграции и много более кастовой, чем "первая" во времена Уварова и Гончарова. Обострение политиканской непримиримости — неизбежное свойство всех эмиграций. Я говорю только о беллетристике, как о внепартийном литературном жанре, не касаясь имеющей право на партийность публицистики.

Сделаем беглый обзор нашей периодической прессы. Г-н Мельгунов сделал из "Возрождения" узко политический орган своей незначительной даже в эмиграции группы, что я могу доказать документально. В результате ему приходится редактировать анекдоты об умных собачках и охотничьи рассказы. По той же дороге пошла и рекламирующая свою "внепартийность" "Русская Мысль". И с тем же результатом: ее литературный отдел обеднел, вплоть до тех же "охотничьих рассказов". "Новое Русское Слово" упорно печатает какую то псевдо-историческую халтуру, думается, из соображений разумной экономии — "числом поболее, ценою подешевле". "Новый Журнал" — даже не партийный, а узко-групповой. Возродившаяся в Сан-Франциско "Жар-Птица" не имеет средств перейти на типографский способ пе-

чатания и это подрезает ей крылья. "Наша Страна" явно не имеет места для беллетристики на своих страницах. Куда же деваться автору-беллетристу, не могущему или не желающему замкнуться в политиканских рамках?

Я умышленно выделяю "Грани", как единственный из наших толстых журналов, сумевший подняться над партийной узостью в своем беллетристическом отделе. В этом залог его успеха, подтверждение его крепкой связи с российской подсоветской современностью, его ценность.

Подбор авторов "новой" эмиграции случаен. Л. Ржевскому, Б. Башилову, Г. Александрову, Перусскому, мне, Карно Линейцу и пр. удалось лишь случайно выскользнуть из советского мира и спастись от пули репатриации. Но не можем же все мы, столь различные, быть одиночками в своем мышлении и мироощущении? Какие то близкие нам по духу, но пока замуфлированные группы населения подсоветско-русской terra incognita мы собой представляем и, следовательно, в целом набрасываем контур психического строя подсоветских масс. Я не утверждаю, что этот контур точен и ясен, но все же он — лучшее, что может получить сейчас русский и иностранный читатель по эту сторону железной завесы. Он — неполная информация о современной жизни, но и не дезинформация о ней.

Мелкопоместного, хотя и родовитого, дворянства (И. Бунин) в современной подсоветской России не существует. Вымерла там и благодатная либеральная фрондирующая интеллигенция (Тэффи). Косноязычные кривляки типа А. Ремизова самоупрадились за полной их непригодностью к употреблению. Охотничьи воспоминания и им подобные всплывают лишь в рассказах по пьяному делу от избытка чувств...

Но в сравнительно более легких условиях жизни эмиграции эти литературные анахронизмы еще сохранились. Однако судить по ним о пресловутой "русской душе" в ее современном состоянии — явная нелепость и в этом разрезе они — дезинформация о России и ее народе.

Издательство им. Чехова безусловно не ставит себе коммерческих целей. Его задача, насколько я понимаю ее, познание современной России и отражение ее в зеркале художественной литературы, всестороннее, а не субъективно-однобокое отражение.

Эта задача не только актуальна, но возвышена и благородна. Однако, она обязывает ее исполнителей к безусловному отказу от своей личной партийной субъективности в рамках этой их работы.

Первые шаги издательства дают возможность надеяться на честное выполнение ими своей задачи. Появление в каталоге Издательства им. Чехова С. Юрасова, С. Малахова, Ю. Елагина и, особенно, искреннего дневника В. Алексеева указывают на некоторую ширину подхода к задаче. Хотелось бы и дальнейшего его расширения.

Перепечатка удрученных советской авторами (очень нужная сама по себе) имеет существенные дефекты: в сборник А. Ахматовой не вошли многие ее стихи 1918—22 г. г. очень ценные для характеристики ее революционного отрицательного отношения к революции, а в сборнике рассказов М.

Булгакова, при очень ценных и характерных для него "Роковых яйцах", бледны и мало понятны теперь "Дьяволада", "Похождения Чичикова". Хотелось бы видеть вместо них "Белую гвардию" или "Дни Турбиных". Хотелось бы и "Красного дерева" Б. Пильняка, стихов М. Володина, стихов и статей Гумилева.

Безусловно нужны и ценны переиздания Н. Лескова и Ф. Тютчева. Хотелось бы продолжение выпуска Н. Лескова. Интерес к нему очень велик, а достать его книги трудно.

Предисловия редакции даны дельно, четко и объективно.

Состав редакции Издательства им. Чехова полностью "прогрессивен". Представителей национального русского мышления в нем не имеется. Это заставляет опасаться и здесь засилия "второй цензуры".

Но во главе редакции стоит В. Александрова — литературный критик, показавший даже на страницах партийного органа РСДРП — "Соц. Вестника" свое умение стать в оценке художественной литературы выше партийных рамок, подняться до возможного предела объективности, преодолеть многие кастовые пережитки, критик, которого можно смело назвать наиболее свободомыслящим в своей среде. Это дает надежды на успех в выполнении Издательством имени Чехова своей задачи.

От всей души пожелаем ему этого успеха. Будем все вместе — и писатели, и издатели, и читатели — поминать, что политическая тенденциозность и односторонность несут смерть художественной литературе, превращая ее в пошлую пропаганду. За подтверждением этого ходить недалеко. Не забудем, что тенденциозность выражается не столь сверхмерным утверждением своей идеи, сколь заглушением голоса инакомыслящих, их "лишешеством".

Издательству им. Чехова предстоит прорубить окно в психический мир современной плененной России. Помоги ему Бог прорубить его шире, светлее, без тюремных решеток "второй цензуры".

Борис Ширяев.

Книга Проф. М. В. Зызыкина
"ТАЙНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО"

выйдет из печати в середине июня.

Предварительная подписка ПРЕБРАЩАЕТСЯ 15 ИЮНЯ с. г. Цена книги по выходе ее из печати — 4 амер. доллара.

Лицам, уплатившим за книгу по предварительной подписке, книга будет выслана по почте.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА
"НАШЕЙ СТРАНЫ"

С выпуском в свет номера 121-го "Нашей Страны" в силу вступает следующая новая расценка подписной и розничной цены отдельного номера газеты:

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венецуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 уругв. сент.; Парагвай — 2 гуарани; Чили — 10 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 шилл. 6 пенса австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.